

У КАРТЫ ТИХОГО ОКЕАНА

Информационно-аналитический бюллетень №25 (223)

Китайский фактор в развитии
Тихоокеанской России в начале XXI в.
(по материалам круглого стола)



Отдел изучения международных отношений
и проблем безопасности
ИИАЭ ДВО РАН

Содержание

Краткая информация о круглом столе	4
Вступительное слово	5
Доклад заместителя Генерального консула КНР в г. Хабаровске г-на Юй Цзюня	7
<i>О.В. Кучук, Н.И. Фокин.</i> Присутствие Китая в экономике России: формы, динамика, прогнозы	9
<i>А.В. Друзяка.</i> Миграционное присутствие китайцев на Дальнем Востоке России	14
<i>И.Н. Баранник.</i> Некоторые оценки влияния китайской организованной преступности на российский Дальний Восток	18
<i>Д.А. Владимирова.</i> Культурное влияние Китая: каналы, формы, результаты	24
Дискуссия.....	29

Круглый стол
«Китайский фактор в развитии
Тихоокеанской России в начале XXI в.»

18 мая 2012 г. в Институте истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН по инициативе Отдела международных отношений и проблем безопасности ИИАЭ состоялся круглый стол по теме «Китайский фактор в развитии Тихоокеанской России в начале XXI в.». Цель мероприятия — определение места и значения Китая в развитии Тихоокеанской России на современном этапе.

Заседание круглого стола вёл д-р ист. наук, профессор, директор Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока **Виктор Лаврентьевич Ларин**.

В качестве докладчиков выступили:

- заместитель Генерального консула Китайской Народной Республики в г. Хабаровске г-н **Юй Цзюнь**,
- заместитель начальника Управления Минюста России по Приморскому краю канд. юр. наук **Игорь Николаевич Баранник**,
- канд. ист. наук, профессор кафедры китаеведения ДВФУ **Диана Альбертовна Владимирова**,
- канд. ист. наук, доцент БГПУ **Андрей Викторович Друзяка**,
- канд. экон. наук, профессор кафедры мировой экономики ДВФУ **Николай Иванович Фокин** (содокладчик: канд. экон. наук, профессор кафедры Тихоокеанской Азии **Ольга Валерьевна Кучук**).

Вступительное слово

д-ра ист. наук, профессора В.Л. Ларина

Тема сегодняшнего круглого стола «Китайский фактор в развитии Тихоокеанской России в начале XXI в.» является одной из самых горячих и актуальных для жителей нашего региона. Обсуждать её нужно прежде всего потому, что вокруг неё очень много домыслов, спекуляций и досужих вымыслов, и далеко не всегда даже специалистам удаётся добраться до истины. Очевидно, что проблема присутствия и влияния Китая в Тихоокеанской России имеет и научное, и практические значение. От того, как учёные и эксперты видят и оценивают эту проблему, во многом зависит формирование представлений власти и общества о Китае, характер отношений между двумя странами, их народами и приграничными территориями. До сих пор в российской политике в отношении Китая доминирует позиция сдерживания, несмотря на то, что мы уже более 15 лет стратегические партнёры. Мне кажется, что главным ограничителем развития российско-китайских отношений с российской стороны является подсознательный страх перед Китаем, который присутствует у значительной части россиян и российской власти. Этот страх часто проистекает из незнания или непонимания реальной ситуации.

Формулируя цель этого круглого стола, мы пытались поставить очень конкретные задачи: прежде всего, понять, насколько огромный потенциал Китая используется на благо России и её дальневосточных территорий, существует ли возможность для более эффективного и плодотворного взаимодействия. Сегодня если перед населением России поставить вопрос: «что есть Китай для России — угроза или шанс?», то, к сожалению, 70—80% респондентов скажет, что это угроза. Это связано с подсознательными ограничителями и отсутствием понимания того, что Китай может дать России. Со своей стороны, китайское руководство относится к России очень прагматично и чётко декларирует, зачем ему нужна наша страна. Российская сторона, к сожалению, этого пока сделать не в состоянии.

В связи с вышесказанным хотелось бы сегодня обсудить те проблемы, которые присутствуют в российско-китайских двусторонних, приграничных и региональных связях. При подготовке круглого стола мы вычленили несколько проблем, которые зачастую являются предметом разнотолков и спекуляций. Прежде всего, это место России и её тихоокеанской части в глобальной политике Китая. Я благодарен заместителю генерального консула

КНР в г. Хабаровске г-ну Юй Цзюню, который любезно согласился представить позицию своей страны в этом вопросе. Мы также выделили другие темы для обсуждения: экономическое проникновение Китая в РФ и её дальневосточный регион, демографическое присутствие китайцев, китайский фактор как дополнительный источник формирования криминальной ситуации в России, проблема культурного влияния Китая в регионе. На этом круглом столе мы не рискнули поднимать проблему политического влияния Китая в регионе, т.к. ей очень трудно дать адекватную оценку. Не менее важная задача круглого стола — не только анализ текущей ситуации, но и оценка перспектив присутствия Китая в регионе.

Мы очень серьёзно подошли к подбору специалистов для мероприятия. Сегодня у нас на круглом столе выступают пять профессионалов, которые хорошо знают эти проблемы.

Доклад заместителя Генерального консула КНР в г. Хабаровске г-на Юй Цзюня

После установления всесторонних отношений стратегического взаимодействия и партнёрства китайско-российские отношения находятся сейчас в наилучшем историческом периоде, вступили в новую фазу, появились тенденции к более активному и всестороннему их развитию. Наши отношения стали примером взаимоотношений между странами, в особенности, между великими державами.

Китай и Россия тесно сотрудничают на высших уровнях. Учащаются взаимные визиты руководителей наших стран. В этом году ожидается официальный визит президента В.В. Путина и участие Председателя КНР Ху Цзиньтао в Саммите АТЭС. Уверен, что тесные связи между руководствами двух стран заложат фундамент для развития всестороннего сотрудничества.

Руководствуясь принципом взаимной выгоды, наши страны неустанно расширяют сферы делового сотрудничества, одновременно улучшая его качество и расширяя масштабы. В прошлом году объём китайско-российской торговли возрос примерно до 80 млрд долл., самый высокий уровень в истории. День ото дня совершенствуется структура торговли, стабильно растут взаимные инвестиции, новый стимул получило приграничное и территориальное сотрудничество.

Бурно развиваются культурное сотрудничество и обмен между народами обеих стран. После успешного проведения перекрёстных годов государств и языков начался «Год российского туризма в КНР». Думаю, что такого рода мероприятия укрепляют социальную базу наших отношений и способствуют проникновению в сердца людей концепций мира и дружбы.

Китайско-российское стратегическое взаимодействие в международных и региональных делах становится всё более тесным. Мы поддерживаем крепкую связь и активно взаимодействуем по всем важным международным и региональным проблемам, играем конструктивную роль в обеспечении мира, стабильности и развития в регионах и во всём мире.

Развитие Китая и России представляет для обеих сторон большой шанс. Взаимное предоставление возможностей обусловлено, прежде всего, схожими задачами развития. Китай и Россия, делая стратегический акцент на внутреннем развитии как первостепенной задаче сохранения экономики и стабильности, сосредоточиваются на обеспечении развития благосостояния населения в интересах национального подъёма. Здесь с Россией мы связаны

одной судьбой, с ней мы единоклюбы. Акцентировать усилия на развитии, поддерживать и помогать друг другу, существенно стимулировать взаимодействие во имя общего развития — такова твёрдая воля Китая и России. Это отвечает коренным интересам наших народов.

Огромные потенциалы развития означают огромные возможности сотрудничества. Экономически наши страны имеют индивидуальные преимущества, причём есть обоюдная заинтересованность в развитии сотрудничества, например, по рынкам, технологиям, ресурсам, инвестициям и товарам. Сотрудничество в этих и других сферах создаёт условия для взаимодополняемости и обоюдного выигрыша.

Китай и Россия — крупнейшие соседние страны. Исторический опыт убеждает, что ключ к обоюдному выигрышу двух стран лежит в доверительном и взаимовыгодном сотрудничестве. Китаю нужна стабильная, процветающая и могущественная Россия. Равным образом России нужен такой же Китай. Таково общее мнение правительств двух стран и широких кругов общественности.

Если взглянуть на двусторонние отношения в региональных измерениях, то можно с уверенностью сказать, что сотрудничество между сопредельными регионами Китая и России стало новой точкой роста наших отношений. В 2011 г. объём приграничной торговли составил 9 млрд 360 млн долл., сопоставимый прирост составил 24%; за первые два месяца этого года объём приграничной торговли составил 763 млн долл. США, сопоставимый прирост составил 11,1% — у этого сотрудничества имеются прекрасные перспективы. Постоянно укрепляется двустороннее региональное и приграничное сотрудничество; конструктивно осуществляется «Программа сотрудничества между северо-восточными регионами Китая и Российскими регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири (2009—2018 гг.)» и другие соответствующие соглашения о сотрудничестве; ускоряется процесс создания надлежащей системы и инфраструктуры.

Глубоко уверен, что наши отношения ждёт прекрасное будущее. Консульство готово вместе с заинтересованными ведомствами поддерживать тесные контакты и взаимодействие, совместными усилиями продвигать двустороннее межрегиональное торгово-экономическое и гуманитарное сотрудничество с тем, чтобы внести свой вклад в укрепление традиционной дружбы Китая и России.

Присутствие Китая в экономике России: формы, динамика, прогнозы

Ольга Валерьевна КУЧУК,

канд. экон. наук, профессор кафедры
Тихоокеанской Азии ДВФУ.

Николай Иванович ФОКИН,

канд. экон. наук, профессор кафедры
мировой экономики ДВФУ.

1. Постановка проблемы

Проблема заключается в оценках объёма экономического присутствия Китая на Дальнем Востоке России, которых две: общепринятая и критическая. Какая из них точнее? Как влияют на оценку новые процессы в российско-китайских экономических отношениях? Что они собой представляют? Вымываются ли объёмы китайского присутствия? Чем различаются взгляды на эту оценку со стороны России и Китая? Где Китая больше — в России или в США? Можно ли ставить вопрос о неявных формах китайского присутствия? Какие выводы следуют из анализа ситуации?

Сформулированные вопросы и определяют структуру представленного материала.

2. Две оценки эффекта присутствия Китая

Оценка экономического присутствия Китая в России представляется однозначной: Китая много, Китай давит. И Россию в целом, и её Дальний Восток. Соответствующие показатели более чем убедительны.

По оценкам экспертов, на Дальнем Востоке России почти две трети потребительского рынка захвачены китайскими товарами. Ещё выше этот показатель в отдельных товарных группах, таких как одежда, обувь и игрушки, где он достигает до 80%.

Подобная картина и на рынке продовольствия. Более половины рынка овощной продукции — из Китая.

Почему складывается такая картина? Она отражает сложившуюся структуру китайского экспорта в Россию.

Однако подобная оценка присутствия Китая в нашей экономической жизни представляется однозначной только на поверхностный взгляд. Более

внимательный взгляд выхватывает фрагменты мозаики, без которых никак не вырисовывается полная картина происходящего.

3. Новые процессы в динамике присутствия

Картина происходящего будет неполной без осмысления новых процессов в наших отношениях. Они порождены ревальвацией юаня и ростом зарплаты в цене китайских товаров.

Ревальвация юаня происходит очень динамично. В 2008 г. курсовое соотношение составляло 3,2 руб. за один юань, в 2009 г. — 4,5, сейчас — 5 руб. за один юань.

Не менее динамично растёт и зарплата в цене китайской продукции — ежегодно на 18% за последние три года. Если эти тенденции сохранятся, то к 2015 г. по показателям цены и зарплаты в цене китайские товары сравняются с американскими.

Закономерно, что в марте этого года впервые за много лет общий объём китайской торговли с миром был сведён с отрицательным сальдо — импорт превысил экспорт.

Всё это самым прямым образом касается российского Дальнего Востока. Падение конкурентоспособности китайских товаров по цене означает, что ещё недавно сравнительно недорогие потребительские товары из Китая становятся менее доступными. Но для России эта ситуация в целом не столь болезненна, учитывая невысокую долю Китая на потребительском и продовольственном рынке нашей страны: например, на рынке продовольствия — лишь 5%.

Другое дело — последствия курсового роста юаня и роста китайских цен для российского Дальнего Востока, где эта доля на порядок выше. Она обеспечивается высокой долей Китая во внешнеторговом обороте Дальнего Востока — для Приморья, например, она превышает 50%.

4. Вымываются ли объёмы китайского присутствия?

Ведут ли процессы ревальвации юаня и роста зарплаты к вымыванию Китая из экономического пространства российского Дальнего Востока? Экономическая наука даёт, пожалуй, положительный ответ на этот вопрос.

Какими могут быть контуры ответа? Очерчивающих линий три. неизбежное выравнивание факторных цен открытых экономик (теорема Хекшера-Олина). Внешняя торговля как субститут движения ресурсов (теорема Столпера-Самуэльсона). Инвестиции — толчок, а не фактор экономического

роста и ориентация национальной экономики на сбережения и внутренний спрос (теория роста Солоу).

Есть ещё один инструмент устранения искажений видимой картины происходящего с китайским присутствием в России и на российском Дальнем Востоке. Этот инструмент — принцип, на котором строятся все мирохозяйственные связи — принцип сравнительного подхода.

Приведем только два факта. Первый касается объёма присутствия Китая в американской экономике. Второй — значимости России для китайской экономики.

5. Где Китая больше: в России или в США?

Присутствие Китая в экономике США на порядок более значимо, чем его присутствие в экономике России. Об этом свидетельствуют и долларовые резервы Китая, и сравнительные объёмы китайского экспорта, и полки в американских магазинах.

Долларовые резервы Китая в 2011 г. превысили отметку в 3 трлн. Китайский экспорт в Америку больше российского и абсолютно — в 9 раз, но что ещё более важно — он больше и относительно — если соотнести размеры экономик России и США. Именно поэтому формируется феномен Chimerica, но понятия Chiru ни в политике, ни в науке — не наблюдается.

О значимости России для Китая, а, следовательно, и об отношении Китая к российским регионам свидетельствуют следующие факты.

Первый касается углеводородного сырья. Экспорт российской нефти в Китай составляет 6 процентов от общего объёма китайского импорта нефти. Соответствующий показатель по газу — 4 процента. Сказываются и обширные планы Китая по освоению сланцевого газа внутри страны. Не удивительно, что многолетние китайско-российские газовые переговоры так и не воплотились в конкретные решения. И Китай нашёл поставщиков в других странах. У сотрудничества в угольной промышленности также неопределённые перспективы: Китай сомневается в пропускной способности нашей транспортной системы.

Второй касается инвестиционного сотрудничества. Накопленные китайские инвестиции в России составляют 2,6 млрд долл., а российские в Китае — 1 млрд долл. Поэтому инвестиционная составляющая характеризуется более активной деятельностью китайского капитала в сравнении с российским. Вторая особенность — более мощно выраженный западный вектор в сравнении с дальневосточным.

Выходит, что китайское присутствие в России и на российском Дальнем Востоке сравнительно не столь уж и значимо. Выходит, вопрос следует ставить в противоположном ракурсе. Вопрос не в том, почему допустили такое мощное китайское присутствие? Вопрос в том, почему не допустили китайского присутствия. Почему отказались воспользоваться положительными эффектами открытых мирохозяйственных связей?

6. Оценки сторон динамики китайского присутствия

У российской стороны нет ответа на этот вопрос.

Ответ китайской стороны — организационно-технического свойства: пресловутая «серая растаможка», эффект Черкизовского рынка, на котором работало больше всего китайских бизнесменов. После его закрытия треть китайских предприятий г. Вэньчжоу, самого крупного поставщика обуви, покинули российский рынок.

Возможно, именно поэтому такие надежды возлагаются на открытый в апреле 2012 г. в Вэньчжоу центр по содействию развитию торговли, где бизнесменам помогают легально совершать операции, связанные с перевозкой, таможенными процедурами, складированием и реализацией товаров на территории России.

Ещё один новый процесс — изменение уровней переплетения российско-китайских экономических связей. В этом переплетении движущей силой становится не частное, а государственное сотрудничество. Китайский же частный бизнес уже не верит в перспективность совместных инвестиционных дел с российскими предпринимателями.

Отсюда и упор на разного рода программы и проекты правительственного уровня. Отсюда их оторванность от бизнеса, непроработанность, а потому — практически нулевой эффект.

Примером может служить принятая в 2009 г. программа сотрудничества между российским Дальним Востоком, Восточной Сибирью и Северо-восточным Китаем на 2009—2018 гг. Её опорные точки — венчурные IT-компании, информационная площадка «Техноград» в Партизанске, центр трансфера современных аграрных технологий в Амурской области и другие проекты. Однако в плане реализации программы многое остаётся неясным, особенно по источникам финансирования, потому что принимали её без привлечения части бизнес-сообщества, экспертов и местных властей.

7. Неявные формы китайского присутствия

Однако Китай присутствует на российском Дальнем Востоке не только в прямых формах — товарной, инвестиционной и миграционной. Не менее значимы и скрытые, неявные формы его присутствия. Одна из таких форм — демонстрационный эффект китайской экономики.

Основа демонстрационного эффекта — открытость границ и доступность поездок в Китай для российских дальневосточников. Это эффект демонстрации экономического успеха, это изменение мироощущения дальневосточников, это эффект появления вопросов к политике федерального центра, главный из которых: почему они могут, а мы нет? Что есть такого у них, чего нет у нас?

Динамичные подвижки в китайских реалиях задают смену чувств у россиян, наблюдающих эти подвижки.

Пекин 2012 г., толпы китайцев торгуют с фонариками на тёмных тротуарах вечернего Пекина. Картина эта вызывает зависть: власти не лишают людей выбора; недоумение: власть торговцев не разгоняет (а при её мощи это дело нескольких минут); удивление: торговцы одеты прилично, вечерняя торговля для них не только хлеб насущный, но и хобби, способ самореализации. Странно, но появляется и надежды, связанная с вопросом: чем мы хуже, неужели нельзя перенять какие-то элементы китайского опыта?

Но это чувство значительно слабеет на российской стороне границы, где ситуация замерла. Она демонстрирует необходимость перемен, ожидание которых можно назвать «эффектом Краскино». Краскино — приграничное село, эффект Краскино — вымывание человеческого капитала из российского приграничья. Потенциальные предприниматели — 8 человек с высшим образованием. Вменяемых людей для приграничного с Китаем сотрудничества нет. Может показаться, что у интеграции снизу в России уже нет человеческой опоры, и мы уже опасно подошли к точке невозврата.

8. Заключение

У итогового вывода две составляющие.

Первая: присутствие Китая в российском экономическом пространстве значимо, но переоценено. Более того, оно сжимается.

Вторая: на передний план, возможно, выходят косвенные, скрытые, демонстрационные формы влияния Китая на нашу российскую жизнь, в том числе региональную.

Миграционное присутствие китайцев на Дальнем Востоке России

Андрей Викторович ДРУЗЯКА,
канд. ист. наук, доцент БГПУ.

Основным миграционным трендом на Дальнем Востоке сегодня остаётся отток постоянного населения. Общая численность жителей ДФО по предварительным данным переписи 2010 г. составила 6 млн 291 тыс. 900 чел., за 8 лет сократившись на 6,4% . В условиях растущего кадрового дефицита возмещение потерь возможно либо за счёт дополнительного привлечения специалистов из других регионов («вахтовый метод»), либо за счёт замещающего импорта трудовых ресурсов. В этих условиях действительно имеются все возможности для формирования замещающих миграционных потоков из сопредельных стран. Вместе с тем, несмотря на сложившийся в массовом сознании и подогреваемый СМИ идеологический миф о массовом китайском присутствии в регионе, никакого демографически значительного притока из КНР по-прежнему не наблюдается. Постоянное китайское население в приграничных субъектах ДФО исчисляется от силы сотнями человек. Единичными являются факты обучения детей китайских мигрантов в школах, пользование услугами российской системы здравоохранения, создание диаспорой формализованных институтов самоуправления и т.д.

Основным потоком из КНР остаётся регулируемая экономическая миграция, которую в периоды 1994—2000 и 2005—2008 гг. удалось поэтапно упорядочить сначала путём введения визовых процедур, затем путем квотирования привлечения иностранной рабочей силы (ИРС). Необходимость привлечения ИРС из КНР, по всей видимости, уже ни у кого не вызывает сомнений. Её массовое привлечение объясняется расширением сферы действия китайского капитала на Дальнем Востоке России (с 2001 г. — лесозаготовки, в настоящее время — горнодобывающая промышленность и т.д.). Расширение торгово-экономического сотрудничества с КНР не может не вызвать дальнейшего увеличения китайского миграционного присутствия. Вместе с тем в РФ десятилетиями остаются нерешёнными многие важнейшие задачи иммиграционного контроля, к массовому присутствию китайцев по-прежнему не готовы принимающее общество и власти региона. Местное население реагирует на присутствие китайских граждан на своей территории по-разному, но преобладает отрицательное отношение. В ответах на вопрос «Существует

ли опасность увеличения присутствия на территории Дальнего Востока китайцев?» тоже преобладают негативные оценки (более 80% опрошенных, по данным Е. Мотрич, 2005 г.).

Во многом подобное отношение связано с тем, что население региона слабо представляет себе реальные масштабы китайского присутствия. В условиях оттока населения и замедления темпов развития региона, происходящих на фоне активных действий китайского бизнеса, создаётся миф о масштабной китайской экспансии, направленной на вытеснение России с Дальнего Востока. ДФО занимает первое место по интенсивности привлечения иностранных работников (в расчёте на 1000 чел. населения). Кроме того, регион входит в тройку округов, на долю которых суммарно приходится более 75% общей численности привлекаемой в Российскую Федерацию ИРС.

Динамика привлечения китайской рабочей силы в приграничные субъекты ДФО свидетельствует, что в течение 1995—2008 гг. оно выросло в 6,1 раза, при этом в Приморском крае в 2,6 раза, в Хабаровском крае в 11,4, в ЕАО в 17, а в Амурской области в 29,3 раза. Максимальная численность китайских рабочих в ДФО достигала 65 529 чел. в 2008 г. (23,26% от числа привлечённых в РФ). При этом точная численность китайцев на территории Дальнего Востока по-прежнему неизвестна, т.к. нет системы единого учёта мигрантов, позволившей бы дать полную картину их пребывания.

Второй причиной негативного отношения к присутствию граждан КНР в регионе может быть отсутствие точных критериев его допустимости. В 2010 г. на миграционный учёт в Амурской области были поставлены 42 552 гражданина КНР. Много это или мало? Какова миграционная ёмкость региона? Эти вопросы вызывают порой разноречивые оценки, т.к. реальную региональную потребность в китайских мигрантах никто не изучал. В США численность мигрантов доходит до 37% от трудоспособного населения, в ФРГ более 15%, в Малайзии в некоторых сферах 90%. Каков «стандарт безопасности» для России, официально использующей около 5% мигрантов? Миграционная ёмкость российских регионов различными экспертами расценивается по-разному: Е.Л. Мотрич признаёт возможным привлечение мигрантов в соотношении не более 1% от количества занятых в экономике, А.Г. Вишневецкий — до 10%. В 2008 г., который был отмечен максимальным привлечением ИРС из КНР в приграничные регионы юга Дальнего Востока, их доля в численности занятого населения составляла от 3,2% (Приморье) до 9% (ЕАО). Уже в следующем году квота на привлечение ИРС была существенно уменьшена.

Вместе с тем наметилась явная тенденция к изменению структуры потока ИРС, направляемого в различные секторы экономики. Так, например, в период с 2005 по 2009 г. в Амурской области значительно увеличилось количество китайских рабочих, занятых в сельском хозяйстве и на лесозаготовках (с 6,3% в 2005 до 34% в 2009), в строительстве (с 21,9% до 40,3%), китайцев начали привлекать в горнодобывающую отрасль, вместе с тем уменьшилось количество торговцев (с 29% до 10%).

В общей доле мигрантов, присутствующих в региональной экономике, ДФО не отличается от России в целом. При этом главная беда не в растущем количестве китайских мигрантов (которое за последние 3 года даже снизилось), а в том, что сложившаяся система привлечения ИРС в РФ коррумпирована, а сфера привлечения ИРС существенно коммерциализирована и криминализована. На наш взгляд, это очевидное состояние миграционной сферы является третьей, главней причиной негативного восприятия китайского присутствия в регионе.

В настоящее время на Дальнем Востоке реальная ситуация такова: китайские менеджеры «заказывают» необходимое количество китайской рабочей силы под конкретный фронт работ, а их российские партнёры, «формальные работодатели», являются временным звеном для оформления официальных процедур и создания коррупционных связей в системе управления и выполняют ограниченные обеспечивающие функции (бухгалтерская отчётность, необходимая техническая документация и т.д.). Имеет место своеобразный бизнес-симбиоз с разделением функций, когда китайские и российские кадры занимают определённые ниши на дальневосточном рынке труда. При этом номенклатура вакансий, занимаемых китайцами, не может не расти, т.к. местные кадры по своей производительности и квалификации постепенно им уступают по причине общей деградации системы профессионального образования в регионе.

В 2002—2006 гг. в стране прошла кампания по регулированию потока китайских граждан, занимавшихся торговой деятельностью на территории рынков — т.н. «вывод из тени» путём оформления рабочих виз, подтверждений ФМС права на трудовую деятельность, мед. книжек, квалификационных сертификатов и т.д. В Благовещенске в 2005 г. была получена квота на 1500 работников муниципального рынка, при этом доход города от торговой деятельности иностранцев составил не менее 200 млн руб. в год. Сегодня многие муниципальные рынки уступили территорию и компетенцию в найме ИРС частным фирмам, чему способствовало Постановление Правительства РФ № 683 от 15.11.2006 г., запретившее иностранцам ведение розничной

торговли вне крытых торговых центров. В результате в Благовещенске на месте муниципального рынка появились три частных крытых торговых центра, куда вынуждены были перебраться китайские торговцы. В открытых для упорядочения розничной торговли центрах продавцами работают всё те же китайцы-нелегалы. Товар на их прилавки поступает от физических лиц без необходимых сопроводительных документов — нет ни накладных, ни таможенных деклараций, ни сертификатов качества. Нанимают иностранцев одни фирмы, а используют их труд другие. У товаров отсутствуют ценники, торговля ведётся без кассовых аппаратов. Приоритетное право на торговые места выкуплено во многих торговых центрах представителями нескольких китайских сообществ, «семей», которые нанимают для работы российских и китайских продавцов, обеспечивают доставку товара из КНР т.д. При доставке товара по-прежнему используются «серые» схемы таможенной очистки.

Намеченное увеличение двустороннего торгового оборота в дальнейшем неизбежно вызовет увеличение притока мигрантов из КНР. При этом поток трудовой миграции из КНР, по-видимому, будет оставаться главным, но не единственным источником рабочей силы на ДВ. Будут приняты законодательные меры к предотвращению оседания китайцев и созданию компактных поселений в зонах сотрудничества, налажен учёт мигрантов и контроль над их пребыванием. Миграционная политика на ДВ сегодня носит ярко выраженный охранительно-запретительный характер и основывается главным образом на паспортно-визовых процедурах (квотирование, оформление виз и регистрации, иммиграционный учёт т.д.). При этом из системы миграционного контроля выпало её ключевое звено — принимающая ИРС российская организация, руководство которой несёт ответственность за все проявления деятельности китайских мигрантов, прибывших по её приглашению. При действительном, а не мнимом упорядочении ситуации в регионе должны быть прежде всего предусмотрены меры по декриминализации сфер деятельности китайских мигрантов, их адаптации к условиям жизни в России. В таком случае можно будет действительно «ловить китайский ветер» в паруса нашей экономики, а не спасать свои ресурсы от разграбления местным и иностранным криминалитетом. Китайское миграционное и инвестиционное присутствие может и должно стать средством создания новых рабочих мест для местного населения, пополнения местных бюджетов, укрепления инфраструктуры, повышения качества жизни на Дальнем Востоке России. В этом случае оно из реальной или мнимой угрозы превратится в позитивный фактор развития региона.

Некоторые оценки влияния китайской организованной преступности на российский Дальний Восток

Игорь Николаевич БАРАННИК,

канд. юр. наук, заместитель начальника
Управления Минюста России по Приморско-
му краю.

Взаимоотношения с азиатским соседом России — Китаем, ставшим важнейшим центром глобальной экономики, получили в начале XXI в. новое направление и развиваются в рамках стратегического партнерства.

Если в 2006 г. российско-китайский товарооборот составлял около 30 млрд долл. США, в 2007 г. — 40 млрд долл., в 2010 г. — около 57 млрд долл., то в 2011 г. он превысил 60 млрд долл. Этому способствовала реализация в истекшем году 27 крупных совместных проектов в 19 регионах России на общую сумму порядка 10 млрд долл.

По российским оценкам, которые озвучил в июне 2011 г. Владимир Путин на переговорах с председателем КНР Ху Цзиньтао, к 2015 г. товарооборот двух стран возрастет до 100 млрд долл., а в 2020 г. достигнет 200 млрд долл.

Это способствует расширению внешнеэкономических, политических, гуманитарных связей двух стран. Вместе с тем данные процессы сопровождаются обострением проблем, связанных с глобализацией экономики, региональной политической нестабильностью, деградацией среды обитания, а также преступностью.

Надеюсь, присутствующим будут интересны некоторые результаты проведенного мною в конце прошлого десятилетия исследования, в котором приняли участие 389 практических работников правоохранительных органов (прокуратуры, наркоконтроля, ФСБ, МВД, ФТС России), имеющих опыт работы по делам, связанным с преступлениями, имеющими международный характер. По результатам опроса 48% респондентов считает, что влияние китайской организованной преступности на российском Дальнем Востоке за последние 10 лет значительно выросло.

Следует отметить, что о бурном росте экономической мощи, расширении сфер влияния преступных организаций в континентальном Китае, их проникновении с использованием подкупа во власть, слиянии с зарубежной преступностью всё больше заявляют китайские исследователи (Хэ Бинсун и др.)

В числе объектов устремлений китайской организованной преступности различные регионы мира, среди которых и российский Дальний Восток.

Анализ материалов выявленных уголовных преступлений и административных правонарушений, а также оценки российских экспертов позволяют с уверенностью заявить, что сферами влияния являются наркобизнес, находящиеся на грани исчезновения объекты дикой флоры и фауны, биоресурсы, лес и продукты переработки древесины, драгоценные камни, чёрные и цветные металлы, продукция топливно-энергетического комплекса, нелегальная миграция, отмывание денежных средств. Из Китая поступает контрафактная продукция лёгкой промышленности, продовольственные товары и сельскохозяйственная продукция.

Только за девять месяцев 2009 г. на территории ДФО было зарегистрировано 179 преступлений, совершённых гражданами КНР. Большая часть из них (86%) приходится на Хабаровский и Приморский края и Амурскую область. Характерно, что в Приморье доля зарегистрированных преступлений, совершённых китайскими гражданами, в общем количестве преступлений, совершённых иностранцами, в последние годы растёт, о чём свидетельствует таб. 1.

Таблица 1

**Динамика количества преступлений, совершённых
иностранцами гражданами в Приморском крае, 2009—2011 гг.**

Количество зарегистрированных преступлений/годы	2009	2010	2011
Всего	369	426	379
В т.ч. гражданами КНР: абс. цифры	72	93	119
в %	19,5	21,8	31,4

Рассмотрим некоторые направления деятельности китайских преступных группировок. Так, устойчивый интерес со стороны китайской преступности сохраняется к биоресурсам нашего региона. В апреле 2011 г. в ходе проведения совместных оперативно-розыскных мероприятий сотрудниками ДВОТ и Уссурийской таможни была пресечена попытка незаконного перемещения крупной партии сушёно-варёного трепанга, которую организовали два гражданина Китая. Из специально оборудованного тайника в автобусе, предназначенном для международных перевозок, на таможенном посту «Турый Рог» было изъято 390 кг трепанга. Для того, чтобы получить такое количество «морского женьшеня», нужно выловить не менее 8 т трепанга-сырца. По

оценке специалистов Амурского филиала Всемирного фонда дикой природы, стоимость такого количества трепанга превышает 11,5 млн руб.

Не ослабевает интерес китайской преступности в регионе и к лесным ресурсам. Как отмечает известный российский криминолог Владимир Овчинский, это связано с тем, что с конца 1990-х гг. китайское правительство запретило заготовку хвойных пород на северо-востоке своей страны, одновременно приняв крупномасштабную программу жилищного строительства. Это привело к огромному скачку спроса на древесину и мебель. В результате средний объём импорта хвойных пород из России в Китай в сравнении с 1990-ми гг. вырос в 15 раз. Представители китайской организованной преступности установили контроль над оптовыми лесными площадками в Приморском, Хабаровском краях, Еврейской автономной и Амурской областях.

В истекшем году в Хабаровском крае перекрыт крупный канал контрабанды древесины ценных пород в КНР. Устойчивая трансграничная преступная группа контрабандистов состояла из граждан РФ и КНР и действовала на территории Хабаровского края. Лидером организованной преступной группировки (ОПГ) был гражданин КНР, активными участниками — его соотечественник и двое хабаровчан. За три года они контрабандой переправили в Китай лесоматериалов на сумму свыше 100 млн руб.

Ещё одно направление деятельности китайской организованной преступности — организация наркотрафика. Несмотря на жёсткие санкции в Китае, количество лиц, употребляющих наркотики, составляет (по оценке неофициальных зарубежных источников) около 12 млн чел.

Исторически сложилось, что устремления китайских наркодилеров направлены на приграничные российские территории. Этому способствует и то, что некоторые субъекты ДФО относятся к регионам с повышенной наркотической поражённостью населения. В Приморье, Хабаровском крае и Амурской области сохраняются значительные площади, на которых произрастает маньчжурская конопля (марихуана).

Различия в классификации подконтрольных наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ в России и Китае, разница в их стоимости, значительные объёмы грузового и пассажирского оборота между странами используются транснациональной наркопреступностью для организации каналов их контрабандного ввоза в Россию из КНР.

Таблица 2

Количество дел об административных правонарушениях, возбуждённых по фактам перемещения подконтрольных наркотических веществ через таможенную границу РФ по ст. 16.2 КоАП РФ таможенными Приморского края в 2009–2011 гг.

Возбуждено дел/годы	2009	2010	2011
Всего	138	188	181
В т.ч. в отношении граждан КНР: абс. цифры	96	133	94
в %	69,6	70,7	51,9

Как явствует из таблицы, в последние три года доля возбуждённых таможнями Приморского края административных дел по ст. 16.2 КоАП РФ по фактам перемещения из Китая подконтрольных веществ через таможенную границу России ежегодно составляет не менее 52% от всех дел данной категории.

Основными видами сильнодействующих веществ, ввозимых из КНР на территорию России, являются сибутрамин, псевдоэфедрина гидрохлорид, фенобарбитал; наркотических средств — гашиш, марихуана.

Анализ имеющихся материалов позволяет выделить три основных канала контрабанды подконтрольных веществ из КНР на территорию Приморского края:

- посредством морского транспорта,
- посредством автомобильного транспорта,
- с использованием почтовых отправок и сети Интернет.

Так, в 2009 г. Приморское управление наркоконтроля совместно с сотрудниками Пограничного управления ФСБ России по Приморскому краю пресекли деятельность двоих граждан, организовавших незаконный ввоз на территорию РФ наркотиков каннабисной группы и их сбыт. Как установило следствие, весной 2009 г. партию гашиша в порт Находка из г. Далянь (КНР) привёз один из членов экипажа танкера «Арсеньев», во время таможенного контроля умышленно скрывший наркотики в специально оборудованном тайнике. Общий вес изъятого контрабандного груза составил около 4 кг, что эквивалентно почти 8 тыс. условных разовых доз.

Особую озабоченность вызывают участвовавшие факты контрабанды из КНР наркотиков синтетической группы и психотропных веществ посредством международных почтовых отправок.

Получателями почтовых отправок — потребителями психоактивных веществ в основном являются молодые люди в возрасте:

- от 18 до 25 лет — 40,8%,
- от 26 до 30 лет — 33%
- от 30 до 40 лет — 23,8%.

Характерно, что из общего числа мужчины составляют 89%, женщины — 11%.

Результаты работы правоохранительных органов свидетельствуют об активной деятельности наркобывчиков в сети Интернет. Так, в результате мониторинга интернет-ресурсов был установлен сайт chemsky.com, расположенный на серверах КНР, с использованием которого осуществлялась реклама психоактивных веществ. Итогом работы стало задержание в октябре 2011 г. гражданки РФ и изъятие у неё более 19 кг синтетических наркотиков.

Приморье и другие приграничные регионы российского Дальнего Востока успешно используется китайскими преступными группировками для нелегальной миграции. Несмотря на либерализацию двусторонних отношений, ежегодно пограничными органами задерживаются китайские граждане, пытающиеся проникнуть в Россию нелегально. Только в Приморском крае в течение 2010—2011 гг. по ст. 322 УК РФ было возбуждено 154 уголовных дела.

Данные дальневосточных силовых структур свидетельствуют о том, что проблема нелегальной миграции в последние годы не снижается.

В определённой мере этому способствует то, что только в одной сопредельной китайской провинции Хэйлунцзян, где проживает около 38 млн чел., 4% населения (или около 1,5 млн чел.) относятся к категории безработных.

Вместе с тем нельзя согласиться с экспертами, которые гиперболизируют проблему китайской демографической экспансии. К сожалению, до сих пор не только в СМИ, но и в высказываниях чиновников высокого уровня используются недостоверные цифры.

Так, во многих изданиях указывается, что ежегодно на территорию ДФО въезжает около 300 тыс. граждан КНР, в то время как эта цифра — показатель количества въездов иностранцев. Фактически один и тот же китайский гражданин в течение года въезжает в Россию неоднократно.

На наш взгляд, для точного определения проблемы необходимо ускорение решения вопроса о введении в действие Погранслужбой и ФМС России единой системы учёта въехавших иностранцев.

Можно привести немало положительных примеров практического взаимодействия силовых структур двух стран в сфере борьбы с различными видами транснациональной преступности. В целом уровень сотрудничества правоохранительных органов российского Дальнего Востока с китайскими партнёрами в борьбе с транснациональной преступностью всё ещё не отвечает реалиям сегодняшнего дня. На это обращают внимание как российские, так и зарубежные исследователи. Об этом свидетельствуют и результаты

проведённого нами опроса сотрудников силовых структур округа. Так, по оценке 54% респондентов уровень международного сотрудничества правоохранительных органов российского Дальнего Востока с партнёрами из приграничных стран АТР в целом является неудовлетворительным. В полной мере или частично им удовлетворены лишь 33% опрошенных.

В заключение хотелось бы отметить, что мы находимся в преддверии важного события — саммита стран АТЭС, в работе которого примут участие главы России и Китая. Проанализировав импульс, который будет дан на этом форуме, можно будет прогнозировать расширение или сужение взаимодействия силовых структур наших стран в борьбе с организованной преступностью.

Культурное влияние Китая: каналы, формы, результаты

Диана Альбертовна ВЛАДИМИРОВА,
канд. ист. наук, профессор кафедры китаеведения ДВФУ.

Исторические изменения в мире, усиливающееся взаимовлияние национальных культур сделали актуальным процесс поиска общих и отличительных черт культур различных народов. Интерес к культуре Китая давно уже стал характерной чертой российского общества. Россия, как и страны Европы, попала под обаяние богатства и экзотического своеобразия китайской культуры.

Культурно-этническое взаимодействие русских и китайцев отразило все зигзаги истории государственного взаимодействия Россия — Китай. В начале третьего тысячелетия стала возможной принципиально новая модель культурных взаимоотношений двух стран — взаимовыгодное культурное сотрудничество с сохранением специфики каждой из культур. Начинающийся этап культурного взаимодействия имеет характер диалога. Обе страны активно возрождают свои национальные культурные традиции, нацеленные на модернизацию общества, которые призваны стать основой двустороннего культурного сотрудничества.

Вопрос двустороннего культурного сотрудничества рассматривается в рамках национальной самоидентификации, о чём свидетельствуют работы китайских учёных за последние семь лет, основная тема которых — взаимодействие национальных культур России и Китая под воздействием социокультурных особенностей и национальной идентичности. Защиты прошли в Москве, Санкт-Петербурге по разным направлениям, от культурологии до философии, планируются защиты и в диссертационных советах Дальнего Востока.

Один из важнейших элементов современной культурной ситуации — распространение массовой культуры, которая для своего развития нуждается в определённом постоянном внешнем обновлении — что и происходит за счёт внешнего использования различных элементов национальных культур.

В качестве примеров можно привести распространение по всему свету традиционного китайского символа Великого предела (*тай цзи*) в виде изображения так называемой монады (то есть тёмного и светлого начал, соеди-

нённых в круге и символизирующих силы *инь-ян*), популярность китайской кухни (если в центральных районах страны она является экзотической, то на российском Дальнем Востоке относится к эконом-классу), использование традиционных декоративных элементов китайской культуры и т.п. Отдельные исследователи даже видят в этом залог разнообразия, поддерживаемого в условиях глобального общества.

В России крайне популярны китайские изображения с благопожелательными надписями, использующиеся в декоративных целях. Однако, как правило, большинство людей не до конца понимает их смысл. Так, пожалуй, самая популярная благопожелательная надпись представляет собой изображение перевернутого иероглифа *фу* 'счастье'. Большинству незнакомых с китайским языком людей вообще трудно понять, что иероглиф перевернут вверх ногами. Важно отметить, что даже если бы они догадались об этом, вряд ли поняли бы значение этого приема. А смысл его в том, что гость, приходящий в дом китайца, повесившего у себя на стене подобное изображение, непременно должен сообщить хозяину, что иероглиф перевернут. По-китайски это звучит как *фу дао-лэ* 'счастье перевернулось' и за счёт того, что звучание иероглифа *дао* 'переворачиваться' точно совпадает со звучанием иероглифа *дао* 'приходить', смысл фразы становится вполне благопожелательный: 'счастье пришло'. Это значение не может быть понято человеком, незнакомым с китайским языком и китайской традицией, и подобная надпись для большинства людей так и остаётся декоративным украшением, модной китайской штучкой, теряя свою культурную нагрузку.

Правительства России и КНР прикладывают значительные усилия для поддержания культурных контактов между двумя народами, ставя целью поддержание высокого уровня культурного обмена между государствами.

В Соглашении между Правительствами РФ и КНР от 18.12.92 «О культурном сотрудничестве» оговорены конкретные формы и сферы сотрудничества. В области культуры и искусства: организация гастролей художественных коллективов; проведение выставок; обмен деятелями культуры и искусства; обмен публикациями в области культуры и искусства; взаимное ознакомление народов своих стран с произведениями литературы и искусства; обмена и сотрудничество между музеями и библиотеками двух стран и пр. В области образования и науки: командирование учёных, преподавателей и специалистов для обмена опытом, проведения научных исследований и осуществления преподавательской деятельности; взаимного предоставления стипендий; содействие установлению прямых контактов между высшими

учебными заведениями двух стран; поощрение обменов учебниками, методической литературой и программами, оказание содействия в изучении и преподавании китайского языка и т.п.

Можно сказать, что власти КНР рассматривают всестороннюю поддержку общественных организаций, занимающихся международной культурной деятельностью, как важную составляющую своей внешней политики, стремятся быть в курсе всех событий, координировать и оптимизировать осуществление всех значимых культурных проектов, оказывая максимальную поддержку (от организационных вопросов до полного финансирования) отдельных мероприятий. Важным инструментом в пропаганде культуры, истории, языка являются институты Конфуция, которые финансово поддерживаются Правительством КНР через Канцелярию в Пекине «Ханьбань» по распространению китайского языка. Через Институт Конфуция (Владивосток, Благовещенск) посредством лекций, презентаций, выставок активно пропагандируется культура Китая. Около 130 чел. в возрасте 14—60 лет сегодня изучают культуру и язык Китая в Институте Конфуция г. Благовещенска, за 5 лет существования Института Конфуция при ДВФУ (Владивосток) обучение на языковых курсах прошли 2700 слушателей (ученики средних школ, студенты, люди в возрасте до 40 лет), лекции по культуре, истории, философии и литературе прослушало 26 000 чел. самого разного возраста. При поддержке институтов Конфуция в средних школах создаются центры китайской культуры. Сегодня по популярности китайский язык уступает лишь английскому.

Между приграничными территориями ведётся активный молодёжный обмен, проводятся фестивали, что способствует более глубокому взаимопознанию.

Анализ книжного рынка показывает, что у нас по-прежнему популярна китайская классическая литература, определённым спросом пользуются переводы и исследования в области традиционной китайской философии, гадательных практик, прежде всего связанных с «Книгой перемен», а также тексты, посвящённые традиционной китайской геомантии *фэн-шуй*.

Постепенно растёт количество обменов студентами, аспирантами, преподавателями и стажёрами по межгосударственной линии. Так, на прошедшем в 2004 г. заседании подкомиссии по образованию комиссии по сотрудничеству в области образования, культуры, здравоохранения, спорта и туризма была намечена цель довести обмены по этим каналам до 500 чел. в год.

Растёт и количество интересных совместных проектов. Хэйлунцзянский научно-технический университет подписал соглашение с ДВГТУ (ныне ДВФУ) о совместном обучении студентов. Согласно этому договору срок обучения студентов делится на две части, по два с половиной года в каждой стране. Подобные соглашения подписаны с Дальрыбвтузом и другими университетами региона. По межвузовскому соглашению ежегодно 200 студентов-дальневосточников выезжают в КНР на обучение.

Важно отметить, что большинство российских студентов обучаются в Китае по гуманитарным специальностям, в то время как китайские студенты обучаются в России по широкому спектру гуманитарных, социальных и технических наук. Такая тенденция, по нашему мнению, будет и в дальнейшем способствовать популяризации культуры Китая.

Не менее важный канал популяризации культуры Китая — туризм. Набирает силу не только развлекательный туризм, но и туризм познавательный. Туристы знакомятся с памятниками истории, культуры, архитектуры, заинтересованы в познании обычаев соседей-китайцев.

По данным сайта газеты *Жэньминь Жибао* в дни празднования 60-летия образования КНР значительно оживился туризм на границе между Северо-Восточным Китаем и российским Дальним Востоком. Только число туристов из России, проходящих через КПП Суйфэньхэ, составляло в среднем более 2000 чел. в день (что на 40% больше обычных показателей). Празднование Нового года в Суйфэньхэ стало для дальневосточников особой традицией. В прошлом году по данным Комитета по туризму на Новый год в Суйфэньхэ выехало около 15 000 туристов. Дальневосточники с большим удовольствием празднуют и «китайский Новый год» — *чуньцзе*.

Таким образом, мы можем отметить, что на современном этапе развития российско-китайских культурных контактов взаимодействие происходит во всех «традиционных» сферах культурного сотрудничества. Кроме того, в последнее время успешно используются плоды технического прогресса. Так, компьютерная сеть Интернет не только упрощает решение проблем, связанных с коммуникацией в рамках культурного сотрудничества двух государств, но и, превратившись в своеобразное поле коммуникации, становится новой сферой российско-китайского культурного сотрудничества, где взаимодействие происходит очень плодотворно. Примером активного пользования сетью Интернет может служить сайт *Таобао*, популярный среди дальневосточников и постепенно завоёвывающий центральные регионы нашей страны.

Каковы же результаты культурного взаимодействия? Силами студентов мы провели соцопрос среди учащихся 9—11-х классов и студентов 1—3 курсов, а также жителей г. Владивостока в возрасте от 35 до 50 лет, целью которого было выяснить отношение к Китаю, его культуре, языку и китайцам. В нём участвовало более 120 человек. Опрос показал, что важность изучения языка признаётся всеми, учащиеся и студенты ориентированы на изучение языка, но при этом демонстрируют поверхностное знание культуры, истории Китая. Люди старшего возраста более заинтересованы в изучении культуры, их знания если и не глубоки, то более обширны. Однако при истинном интересе к культуре Китая респонденты всё же рассматривают китайцев в отрыве от их культуры. Бытовые стереотипы в восприятии китайцев в большинстве случаев не изменились. Однако последние достижения Китая во многих областях вызывают у сопредельных народов уважение как к китайскому государству, так и к его народу. Создание положительного образа собственной страны, собственного этноса занимает прочное место в государственной политике Китая.

Дискуссия

А.В. Поповкин (*старший научный сотрудник ИИАЭ ДВО РАН, канд. ист. наук*). Диана Альбертовна, в своём выступлении Вы сказали, что сейчас появились новые формы взаимодействия культур и двусторонний диалог вышел на новый уровень. У меня на этот счёт большие сомнения. В связи с этим я хотел бы поинтересоваться, что сейчас является основной проблемой или темой китайской культуры? Этот вопрос важен в силу того, что даже представители российской интеллигенции, не говоря уже о широких слоях населения, не знают, чем живёт и дышит китайская культура. И, в свою очередь, знает ли китайская интеллигенция, чем живёт русская культура? Есть ли на эти вопросы ответ на уровне элитарных форм культурного диалога?

Д.А. Владимирова. Мы могли бы знать, чем дышит современная культура Китая, если бы у нас переводилось больше современной китайской литературы. В ней сейчас очень часто поднимается вопрос этнической идентификации — этой теме посвящено много произведений. Думаю, китайская интеллигенция и простой народ знают, чем живёт русская культура. В последний свой приезд в Пекин я много говорила с таксистами — они, как правило, всегда всё знают. В отличие от жителей нашего региона пекинские таксисты были хорошо осведомлены не только в российской политике, но и в современной российской литературе, которая очень активно переводится в КНР.

А.Ф. Петракович (*первый директор Русской деревни на о-ве Солнца в Харбине*). В Харбине издаётся русскоязычный журнал «Партнёры». Я стал его первым иностранным подписчиком. Они часто предлагают нам задавать вопросы, что россиянам интересуют в жизни в Китае. Необходимо обращаться туда, и они всё напечатают.

А.В. Поповкин. Можно ли сделать вывод, что русская культура в значительно меньшей степени стремится узнать китайскую культуру, чем китайская — русскую?

Д.А. Владимирова. Не думаю. В последнее время возрос интерес к ознакомительному туризму в Китай. Сейчас туда едут не просто отдохнуть, а почерпнуть знания об этой стране. Я разговаривала с директором туристической фирмы, которая рассказала мне, что клиенты нередко спрашивают, какой будет экскурсовод, хорошо ли он знает историю Китая и язык. Сейчас люди едут в Поднебесную не только, чтобы посмотреть, но и для того, чтобы узнать что-то новое.

Л.И. Галлямова (*заместитель директора ИИАЭ ДВО РАН, д-р ист. наук, профессор*). Очень заинтересовала ситуация, когда муниципальные органы Благовещенска упустили контроль над рынком и передали его в руки коммерческих структур. Возможно ли изменение законодательства и разворот ситуации в обратную сторону?

А.В. Друзяка. Для понимания этой ситуации необходимо отойти немного в прошлое. Процесс передачи рынка начался в 2006 г., когда правительство РФ запретило иностранным гражданам торговать вне крытых торговых центров. Соответствующий закон был направлен на упорядочивание китайской торговли в целом. В связи с ним городские власти по неизвестной причине передали участки рынков коммерческим структурам, которые построили там торговые центры. Сейчас мы видим ситуацию перетока арендной платы в частные карманы. Однако опыт показал, что проблемы, существовавшие на открытых рынках, после принятия закона так и остались нерешёнными. Мы не видим в торговых центрах ни кассовых аппаратов, ни ценников, т.е. цивилизованной торговли там нет, а арендную плату получают не муниципальные бюджеты, а частники.

Л.И. Галлямова. Какие есть возможности для упорядочения торговой деятельности китайцев в России?

А.В. Друзяка. Возможность упорядочивания была. С 2002 г. началась регуляризация торговой деятельности, китайских нелегальных торговцев с туристическими или коммерческими визами, не дававшими права на торговую деятельность, подвели под российские разрешения на право трудовой деятельности в рамках рабочей визы. В то время их объявили рабочей силой муниципальных органов. Безусловно, это тоже не было выходом из ситуации, т.к. фактически китайские торговцы не были рабочей силой города, но муниципальные органы хотя бы получали прибыль от данного вида деятельности за счёт аренды мест и сборов на оформление разрешительных документов. Однако и сейчас мы видим, что процесс регулирования торговой деятельности китайских граждан в РФ далёк от завершения.

В.Л. Ларин. Кто на этом заработал?

А.В. Друзяка. Думаю, муниципальные власти.

С.Г. Пушкарёв (*председатель Приморской региональной общественной организации «Миграция»*). Дело в том, что, как сказал Игорь Николаевич, чем больше запретов, тем сложнее проблема. У нас в Приморье нулевая квота на иностранных работников в сфере торговли. Но на рынках стоят китайские граждане. Они въезжают по коммерческим визам, которые помогают

оформлять большие подпольные компании, регистрируя по 100—200 приглашений.

В.Л. Ларин. Это и есть организованная преступность.

С.Г. Пушкарёв. Безусловно. Необходимо отменить запрет на торговую деятельность для иностранцев, ввести соответствующее регулирование, и проблема будет решена. Сейчас идёт работа по ужесточению миграционного законодательства: В.В. Путин уже в должности президента подписал указ от 7 мая, в котором чётко дал правительству соответствующее задание.

А.В. Друзяка. Это приведёт к образованию ещё бóльшего теневого сектора.

С.Г. Пушкарёв. Согласен. Сегодня тысячи граждан СНГ покупают патенты, и нам неизвестно, где они работают и чем занимаются. Мне кажется, этим вопросом должны заниматься прежде всего органы государственной безопасности. У нас самый управляемый поток идёт из КНР. Здесь всё четко: виза, работодатель, место работы, сроки пребывания и т.д. Граница рядом — нарушителей вывозить несложно. К сожалению, китайцы к нам в последнее время сами неохотно едут. Уровень жизни поднялся. На те условия труда, которые им предлагают, они уже не приедут меньше чем за 1000 долл. США. Они предпочитают ехать в другие страны. Можно сказать, что в отношениях между РФ и КНР отсутствует чёткая миграционная политика. За последние три месяца мне не раз довелось давать интервью московским еженедельникам, таким как «Аргументы недели», «Российские вести» и зарубежный выпуск «Российской газеты». При этом все журналисты начинали с одной посылки, примерно такой, какая прозвучала из уст московского корреспондента, бравшего интервью у губернатора Приморья В.В. Миклушевского: «В Москве, когда говорят про Дальний Восток в целом, обычно обсуждают орды китайцев, которые штурмуют Приморье. Насколько остро стоит проблема незаконной миграции?». Специально строится миф, на основе которого вырабатываются управленческие решения.

В.Л. Ларин. А потом на основе этих решений зарабатываются деньги.

С.Г. Пушкарёв. На сегодняшний день по данным Российско-китайского союза предпринимателей порядка 100 бизнесменов уже более 10 лет работают в Приморском крае, их корни практически в России. Но легализовать своё положение и определить свой правовой статус они не могут из-за необоснованных опасений властей относительно того, что китайцы скупают недвижимость, земли и т.д. Новый губернатор Приморья заявил, что у нас в дальнейшем проблем в этом не будет, будем на это надеяться.

В.Л. Ларин. Свежо предание...

В.П. Бутов (*почётный председатель Приморского отделения Общества российско-китайской дружбы*). Хочу отметить направления, не прозвучавшие в выступлениях докладчиков и касающиеся наиболее важной составляющей сотрудничества Тихоокеанской России с Северным Китаем — транспортной проблемы. Без её решения мы не можем говорить об активном взаимодействии КНР с Тихоокеанской Россией. Население приграничных с РФ провинций Китая — Хэйлунцзян, Цзилинь и Внутренняя Монголия — сопоставимо с половиной населения России. Весь этот огромный человеческий потенциал зажат между протяжёнными границами России и территории, которая уходит на юг Китая. Южные порты Китая перегружены, им очень тяжело реагировать на грузопотоки, формируемые северными провинциями. Необходимо реализовать транспортную программу, которую давно вынашивает Китай — трансграничные коридоры. С нашей стороны были небольшие «потуги»: начали было строить автомобильные переходы, с большой задержкой, лениво и несобранно, без конкретной государственной программы. Действия эти имели местный характер. Железнодорожный пограничный переход Краскино—Хуньчунь до сих пор в зачаточном состоянии, переход Пограничный—Суйфэньхэ также давно требует расширения и серьёзной реконструкции: сейчас работает то, что было заложено более 100 лет назад. У меня есть предложение ко всем присутствующим и Институту истории ДВО РАН подготовить предложение правительству России по развитию транспортной инфраструктуры для двустороннего сотрудничества. Провинция Цзилинь нуждается в развитии наших портов Посъет и Славянка, Хэйлунцзян — портов Владивостока и Находки. Для ускорения грузопотоков необходимо реконструировать железнодорожные и автомобильные трассы. Наши автомобильные трассы только частично — от аэропорта до Владивостока — приобретают современный вид, а на Хасан дорогу только недавно покрыли асфальтом и расширили. Если мы решим эти транспортные вопросы, то грузопоток увеличится во много раз, будут загружены транспортные узлы, созданы тысячи новых рабочих мест, и мы получим огромный эффект от тех экономических планов, которые мы ожидаем при сотрудничестве с КНР.

А.Г. Смирнов (*член Приморского отделения Общества российско-китайской дружбы*). Хотелось бы поправить предыдущего комментатора. В настоящее время автомобильный переход Пограничный—Суйфэньхэ довольно основательно строится, как и дорога туда. Но есть другие проблемы.

Например, вы говорили про железнодорожный переход. Но у нас до сих пор не функционирует там пассажирский поезд. Согласно межправительственному соглашению РФ и КНР перевозки там выполняет трудовой поезд. Отсюда возникают все вопросы. Раз это трудовой поезд, то его можно задерживать, пассажиры не могут цивилизованно проходить таможенный досмотр в вагонах, все должны высаживаться на пунктах пропуска.

Хочу затронуть вопрос, касающийся народной дипломатии. Китайское руководство очень внимательно относится к этой проблеме. С нашей стороны отношение к ней не вполне чёткое и определённое, а напрасно. Действия инициативных руководителей приграничных районов Китая и России убеждают в пользу народной дипломатии. Выступая на предыдущем круглом столе, я уже приводил пример пользы таких действий со стороны мэра Суйфэньхэ. Хочу напомнить ещё раз.

2008 г. был объявлен годом китайского языка в России, 2009 — годом русского языка в Китае. За это время на международном уровне было проведено множество различных мероприятий. Беспрецедентную акцию санкционировал мэр г. Суйфэньхэ — проект «10 000 посланников дружбы в городе Суйфэньхэ». Приглашались студенты, преподаватели, делегации государственных и общественных организаций. Их пребывание оплачивала мэрия города Суйфэньхэ. Наши эксперты подсчитали, что кроме укрепления дружбы, китайская сторона «внакладе» не осталась. Каждые 129 долл. США, потраченные на приглашённого, окупились продажей товаров и услуг на сумму минимум 200—250 долл. США. Эксперимент мэрии города Суйфэньхэ высоко оценило правительство КНР. Эта и подобные акции значительно укрепили взаимное знакомство народов России и Китая. Не могу сказать, насколько точны расчёты экспертов, но к таким крупномасштабным акциям мы ещё не готовы.

Есть положительные примеры и с нашей стороны, взять хотя бы взаимодействие с китайскими пограничными властями бывшего главы Пограничного района Эдуарда Николаевича Блинова, кстати, члена правления общества российско-китайской дружбы Приморского края. В результате проведённой работы с китайскими фирмами и при поддержке мэрии города Муданьцзян, мэрии и парткома г. Суйфэньхэ в пос. Пограничном за счёт китайских инвестиций китайской строительной компанией построен 55-квартирный дом. Приемлемые цены, установленные зарубежной фирмой, позволили быстро распродать все квартиры. Экономический эффект получила как китайская, так и российская сторона.

Или другой пример. В с. Жариково Пограничного района китайский предприниматель Лю взял в аренду для выращивания сои 6 тыс. га земли. Первоначально руководитель ООО «Жариковское» Владимир Андреевич Кравчук — человек заслуженный и известный, только совхозом «Жариковский» в советское время руководил более двух десятков лет, и сейчас руководит им после переоформления в ООО — категорически отказывался сдавать в аренду землю китайскому гражданину. Эдуарду Николаевичу Блинову пришлось долго его убеждать в полезности затеи, зато сейчас они живут «душа в душу». Ещё бы, Лю получает с 1 га по 15 ц сои, а это для обеих сторон хороший доход. В советское время за получение 8—9 центнеров сои с 1 га присваивали звание Героя социалистического труда.

Так же взаимовыгодно складываются отношения и в с. Бойкое этого района, где организовано совместное хозяйство «Елена». В этом году хозяйство взяло кредит на 60 млн руб. для приобретения сельхозтехники вдобавок к уже имеющейся. Построено общежитие для китайских рабочих, свинарник, модуль по производству комбикормов, другие необходимые для обеспечения работ постройки. Всё трудоспособное население с. Бойкое работает в этом хозяйстве. А ведь совсем недавно это было вымирающее село, не было в нём для населения никакой работы.

Когда есть творческая инициатива и доверие между руководителями приграничных районов двух стран, то можно сделать много полезного для той и другой стороны. Хотя следует отметить, что тому же Блинову пришлось преодолеть много «рогатов», выстроенных как региональным, так и федеральным руководством.

Пример этому — торгово-экономический комплекс на линии границы всё в том же Пограничном районе. Согласно договорам китайская сторона быстро построила свою часть ТЭКа, затратив более 800 млн долл. Было произведено строительство и на нашей стороне. Но вмешались московские бизнесмены, пролоббировали на уровне некоторых чиновников правительства свои интересы, и ТЭК на уровне правительства был заморожен. В таком состоянии он находится и сейчас. Финансовые потери для бюджетов всех уровней огромны.

Проблем в налаживании взаимосвязей на уровне местных руководителей много, в том числе и в результате слабой работы в этом направлении Центра. Например, много нареканий вызывает железнодорожный переход Гродеково—Суйфэньхэ. Обывателям трудно понять, что на этом участке за границу ходит поезд со статусом «рабочий». Поэтому и возле границы стоит часами,

и не в указанное время выходит, и оформление туристов и пассажиров, выезжающих в Китай и прибывающих из Китая, производится в здании тесноватого вокзала, выстраиваются длинные очереди, процесс занимает много часов и вызывает неудобства. Поэтому закономерны с их стороны вопросы: почему на западе страны все эти формальности решаются цивилизованно, всё оформление производится в вагонах? А ответ-то прост: для этого необходим статус пассажирского, а не рабочего поезда. Но это уже прерогатива правительства, которое не торопится привести отношения между двумя странами в соответствие с требованиями нового времени. Так и живём по межправительственным соглашениям 50-х гг. прошлого столетия.

Нам необходима дружба и взаимовыгодные отношения, и общество российско-китайской дружбы будет прикладывать все усилия для их осуществления.

В.Л. Ларин. Коллеги, хочу напомнить, что у нас сегодня проводится не митинг в честь российско-китайской дружбы. Никто не сомневается в том, что нам необходимо китайское присутствие. Но по предыдущим комментариям складывается впечатление, что здесь собрались только те, кто считает, что сотрудничество с Китаем имеет исключительно положительные перспективы. Я хотел бы услышать и тех, кто скажет, что есть различного рода проблемы, что китайцы загрязняют реки, мешают нам жить, выдавливают нас отсюда.

Е.С. Волосастов (*второй секретарь Представительства МИД в г. Владивостоке*). Сделаю несколько замечаний по предыдущим выступлениям. В случае с приграничным торгово-экономическим комплексом одной из проблем было то, что он находился на нейтральной территории, за линией границы. Сейчас эта проблема устранена, и он будет располагаться в соответствии с положенными нормами. Лично участвовал в совещании, где главе Пограничного района дано указание приступить к активной реализации этого проекта.

Замечание по поезду между Россией и Китаем: сейчас идут активные переговоры с ОАО «РЖД». Китайская сторона разрешает нам запустить поезд по маршруту Владивосток—Гродеково—Суйфэньхэ, но в ответ хочет пустить поезд по маршруту Харбин—Суйфэньхэ—Гродеково—Владивосток.

Хотел бы поддержать тезис о том, что концепция китайской угрозы очень редко исходит от дальневосточных авторов, а произрастает из западных регионов страны. Это касается и миграции. Например, в прошлом году было совершено 174 тыс. миграционных действий. Отнимая от этого числа

70 тыс. туристов и 40 тыс. рабочих и учитывая, что китайцы въезжали в РФ не один раз, получаем очень небольшое число. Это касается и преступности. Например, в прошлом году было совершено 120 раскрытых преступлений в Приморском крае, из них около 90 было связано с пересечением границы. Уголовных преступлений действительно очень мало, административных достаточно много (более 5 тыс. в прошлом году), в основном они связаны с нарушением миграционного законодательства. Нельзя говорить о том, что китайская преступность оказывает влияние на криминальную ситуацию в Приморском крае.

И.Н. Баранник. Хотел бы сделать одну ремарку. Статистика — лукавая вещь. Стоит всего-навсего перевести преступление из разряда уголовно-наказуемого в разряд административного, и складывается картина, что преступности нет.

Е.С. Волосастов. Можно посмотреть по процентам и убедиться, что это на самом деле административные преступления. Из 5 тыс. административных правонарушений около 50% приходится на факты отсутствия регистрации, около 30% — на пребывание в РФ после окончания срока визы, остальная часть, насколько я помню, тоже в большой степени связана с нарушениями миграционного законодательства.

В.Л. Ларин. По торгово-экономическому комплексу у меня тоже возник вопрос. О чём думали власти, когда подписывали соответствующее соглашение? Потом возникают проблемы с тем, что правовая база для реализации проекта отсутствует, и создать мы её не можем. То же самое было с подписанием соглашения по сотрудничеству Дальнего Востока РФ с Северо-Востоком КНР. Документ есть, но он не реализуется.

Т.Н. Луценко (*научный сотрудник лаборатории геохимии Тихоокеанского института географии, канд. геогр. наук*). Протяжённость общей границы Приморского края с Китаем превышает 1000 км. Она в основном проходит по водной среде. Я хотела бы адресовать вопрос заместителю Генерального консула. Все знают, что трансграничное загрязнение Амура достаточно велико. В Приморском крае происходит загрязнение р. Раздольная и Уссури, оз. Ханка. Сейчас наша лаборатория проводит анализ водных бассейнов российской части от верховьев до устья. Ровно до Лесозаводска имеем чистую воду, соответствующую стандартам чистых рек мира. Но после впадения Сунгачи загрязнение резко возрастает, особенно по биогенным элементам, аммиаку. Что китайское правительство в связи с этим может сказать? Проводится российско-китайский трансграничный мониторинг, который пока-

зывает, что нарастание концентрации происходит резко в сторону китайского берега.

Юй Цзюнь. У меня отсутствуют конкретные цифры, поэтому не могу дать точный ответ. Скажу следующее. Во-первых, у нас работает совместная российско-китайская комиссия по охране окружающей среды, деятельность которой имеет положительные результаты. Во-вторых, охрана окружающей среды — важная задача, которую пытаются решать в Китае, ведь у нас тоже живут люди, и мы хотим не травить самих себя, а создавать благоприятную среду для проживания народа. Сейчас северо-восточный Китай с точки зрения экологии чище, чем территории на юге страны. В последние годы с нашей стороны сделано очень многое для очистки р. Сунгари. В Китае принимаются строгие меры по выбросам химических веществ. Необходимо понимать, что сразу все экологические проблемы не решить, это сложный процесс. Я уверен, что эти вопросы будут решены.

А.Н. Яковлев (*морской биолог*). В 1979 г. я делал доклад по репродуктивной стратегии на XIV Тихоокеанском конгрессе, а затем побывал в Китае. У китайцев с репродуктивной стратегией всё хорошо. У нас всё наоборот, при этом проблема усугубляется наркоманией и алкоголизмом. Русские учёные многое говорят, но к ним отчего-то никто не прислушивается. Ещё в 1979 г. на этом конгрессе все говорили, что цивилизация продвигается к Тихому океану. Когда я приехал на XVIII Тихоокеанский конгресс в 1995 г. в Пекин, то увидел масштабное строительство. Я всегда знал, что Владивосток должен стать тихоокеанской столицей России и управлять местными ресурсами. Когда здесь проходил научный форум по инвестициям, от Г.О. Грефа сделали доклад откровенно студенческого уровня, который показывал, что никто ничего не хочет делать и решать, а лишь проводить какие-то конгрессы и другие подобные мероприятия. Мне кажется, для того, чтобы активизировать развитие Дальнего Востока, очень важно придать Владивостоку статус тихоокеанской столицы.

А.С. Веремейчик (*старший лаборант отдела востоковедения ИИАЭ*). Хотел бы сделать комментарий к докладу И.Н. Баранника. Перед круглым столом я просмотрел несколько научных работ китайских коллег, касающихся преступности в отношении рабочих мигрантов на Дальнем Востоке. Статистики как таковой я не нашёл. Но в проанализированных материалах говорилось об источниках опасности для китайских мигрантов, которые работают здесь. Наибольший страх у них вызывает полиция, затем таможня, затем скинхеды. Китайские исследователи, проанализировав статистику по пре-

ступлениям китайцев и преступлениям в отношении китайцев в РФ за 1990—2000-е гг., пришли к выводу, что, если в 1990-е гг. преступлений, совершённых китайцами, было больше, чем преступлений, совершённых в отношении них, то сейчас эта пропорция изменилась на противоположную. Если мы хотим привлекать людей в сельское хозяйство, строительство и те сферы, в которых ощущается дефицит трудовых ресурсов, то необходимы нормальные условия для их работы. Но проблемы у них начинаются уже на таможне. Например, в середине 2000-х гг. в Иркутске произошла потасовка между милицией и китайскими строителями. Началось с того, что один из рабочих вышел со стройплощадки без паспорта (который он сдал для получения регистрации) и наткнулся на проверку милиции. Представители милиции не стали разбираться в ситуации и решили задержать нарушителя. Китаец испугался и побежал на стройплощадку к своим товарищам, которые, зная о злоупотреблениях российской милиции, стали защищать своего коллегу, в результате вышел крупный скандал. Другими словами, простым трудовым мигрантам не созданы условия для жизни и работы, они никак не защищены.

Е.С. Волосастов. Могу добавить, что в прошлом году китайскими гражданами было совершено примерно столько же правонарушений, сколько и в отношении китайцев — около 120 преступлений, из них 87 краж, 7 грабежей, 3 разбоя, убийств не зафиксировано (причём убийства граждан КНР не совершались уже в течение двух лет, после того, как на ул. Красного Знамени ликвидировали группировку, грабившую китайских бизнесменов, убив одного из членов банды). Сейчас, я думаю, ситуация с безопасностью китайских граждан благоприятная: всего 120 правонарушений на 150 тыс. въехавших в РФ.

И.А. Толстокулаков (*заведующий центром корееведения ИИАЭ, д-р ист. наук*). Вы же сами говорили, что китайские граждане совершили 120 преступлений, их которых 90 связаны с пересечением границы. Получается, что было зафиксировано 120 уголовных правонарушений в отношении китайцев, тогда как китайцы совершили лишь 30 уголовных преступлений вне пересечения границы. Одно дело нарушать режим границы, и совсем другое — убивать и грабить.

В.Л. Ларин. Необходимо более чётко определять характер нарушений: либо это незаконное пересечение границы и нарушение миграционного законодательства, либо серьёзные уголовные преступления.

С.А. Иванов (*м.н.с. отдела международных отношений и проблем безопасности ИИАЭ*). Хотел бы поблагодарить Н.И. Фокина за доклад об экономическом присутствии Китая, т.к. эта тема достаточно сложна для изучения. В последние годы специалисты уже могут достаточно чётко оценить, что происходит в сфере миграции, трансграничной экологии и т.д., но с экономикой всё не так просто. На самом деле, и дальневосточные учёные подогревают тему усиления китайского влияния на экономическую ситуацию в регионе. Например, в статье «Китай на Дальнем Востоке: мнимые страхи и китайские угрозы» (2009, Пространственная экономика) академик П.Я. Минакир, с одной стороны, достаточно адекватно подошёл к проблеме китайского экономического присутствия в Тихоокеанской России, но, с другой стороны, использовал достаточно спорные тезисы о том, что китайцы могут незаметно захватить бизнес на микроуровне. Я не сторонник утверждений о том, что существует тенденция скрытого захвата дальневосточного бизнеса китайцами. Тем не менее, стоит признать, что сейчас невозможно чётко оценить масштабы китайского присутствия в экономике Дальнего Востока. Поэтому для научного сообщества важнее не посылать в Москву предложения по строительству дорог и совершенствованию инфраструктуры — это прерогатива бизнеса, а налаживать нормальный статистический контроль экономического взаимодействия с Китаем. Если взять российские и китайские официальные данные по инвестициям Китая в Россию, то можно увидеть расхождение в десятки раз, а данные по капиталовложениям из России в Китай отличаются в сотню раз. Очевидно, и китайская сторона может завышать показатели тех инвестиций, которые вкладываются в Россию, и наша сторона может недоучитывать тот капитал, который поступает по теневым каналам. Например, недавно наткнулся на информацию цзилиньского правительства о том, что они создали совместное предприятие в порту Зарубино и фактически контролируют его. Перепроверив эти данные, выяснил, что на самом деле китайская и российская компании создали там рядовое общество с ограниченной ответственностью, в компетенцию которого входят лишь услуги логистики. Другой пример: по неоднократно встречающимся хэйлунцзянским официальным данным в 2009 г. площадь возделываемых фермерами этой провинции земель в России составила около 350 тыс. га. Это примерно все пахотные земли Приморского края. Понятно, что китайские фермеры работают не только в Приморье, но и в Хабаровском крае, Еврейской автономной области и т.д. Но всё равно это число представляется сильно завышенным. Откуда у китайской стороны такая информация и насколько она досто-

верна — большой вопрос. Я вполне допускаю, что она преувеличивается для отчётности перед вышестоящими органами власти в Китае, чтобы показать свою активность в освоении международных рынков. В результате, когда наши СМИ начинают переводить китайские материалы из *Жэньминь Жибао* или *Синьхуа*, то с ужасом узнают, что китайцы возделывают львиную долю Дальнего Востока. Мне кажется, с точки зрения науки важнее ясно понимать и хорошо знать ситуацию, и лишь затем, чётко разобравшись в проблемах, выдавать рекомендации по развитию различных сфер взаимодействия России и Китая.

В.Л. Ларин. Для этого мы здесь сегодня и собрались.

С.А. Иванов. Николай Иванович, Вы считаете, Китай для Дальнего Востока и России в целом выгоден в нынешнем развивающемся состоянии или в состоянии упадка и деградации?

Н.И. Фокин. Это сложный вопрос. Но, если говорить с общих позиций, то нам выгоднее сильный и зрелый Китай. Если в Китае будет зрелая экономика, то это будет только на пользу нам. Пусть даже он будет сильнее нас.

А.Е. Кожевников (*канд. ист. наук, доц. кафедры Тихоокеанской Азии ДВФУ, ст. н. с. ИИАЭ*). Хотел бы добавить замечание по выступлению С.А. Иванова. Действительно, я наблюдал на нескольких международных форумах, как американские исследователи изучают Китай. В США финансируются различные кейс-стади, когда, например, учёный заезжает в какую-нибудь деревню, проводит там социологический опрос, узкое по своим задачам исследование. Такие исследования проводятся массово, затем их результаты обобщаются, и получается реальная картина. Безусловно, нам тоже надо проводить такие исследования. Но тут всё упирается в финансирование: наших студентов и учёных нельзя отправить на такие кейс-стади. «Расписать» общие слова о великой дружбе и сотрудничестве мы умеем, а провести какие-либо конкретные исследования — нет.

А.В. Друзяка. Я хотел бы спросить по поводу информации о существовании на Дальнем Востоке РФ 34 зон совместной деятельности. Задаю этот вопрос, потому что в Китае об этом говорят, в Харбине создана соответствующая структура, но никто из коллег не может объяснить, где именно они находятся.

С.А. Иванов. Когда я был в 2008 г. на конференции в Благовещенске, представители областной администрации задавали мне аналогичный вопрос. Им это было интересно, т.к. в Амурской области таких зон нет. У нас они якобы существуют: наиболее известная торгово-экономическая зона «Канц-

зи», промышленные и сельскохозяйственные парки в Михайловском, Октябрьском и Пограничном районах. Но у меня ощущение, что это в большей степени «потёмкинские деревни».

А.В. Друзяка. Другими словами, вновь создание видимости?

С.А. Иванов. На самом деле, сложно оценить это явление, как сказал А.Е. Кожевников, для этого нужны глубокие кейс-стади. В одной из своих работ я писал, что это однозначно бутафория и создание видимости, но сейчас немного сомневаюсь в таком утверждении, т.к., возможно, какие-то инвестиции поступают по теневым каналам, ведь незначительное количество китайских компаний в них функционирует. Однако то, что они работают на уровне намного ниже заявляемого — это факт. Главный вопрос здесь, почему заявления китайских властей расходятся с реальностью. Очевидно, местные уездные власти (Суйфэньхэ и Дуннина), курирующие эти зоны, преувеличивают результаты своей деятельности для вышестоящих органов власти в Китае. Но китайские коллеги не понимают, что такая ситуация крайне негативно сказывается на образе китайцев в России. Ведь наши СМИ всё это перепечатывают и переводят, и у всех возникает удивление и фобии от того, что в РФ про это никто не знает.

В.В. Денисов (*начальник Управления экспертизы, сертификации и развития инфраструктуры Приморской торгово-промышленной палаты*). Хотел бы выступить в защиту китайской торгово-экономической зоны «Канцзи» в г. Уссурийске. В зоне «Канцзи» производится обувь, заготовки привозятся из Дуннина, число работников составляет около 200 чел., администрация зоны китайская и русская. Проект по сборке и клейке обуви достаточно успешен. Я разговаривал с инвесторами этой экономической зоны, и те высказали следующую проблему: они готовы расширять зону, но не знают, какую продукцию производить, чтобы она была конкурентоспособной на российском рынке. Они хотели уйти в фармацевтику, но получить лицензию было очень дорого, хотели уйти в табачное производство, но табак — это акцизный товар, и получить лицензию очень сложно. Они не могут найти нишу, которую могли бы занять, чтобы выпускать прибыльную продукцию. Во-вторых, половина инвесторов зоны — с юга Китая, другая половина — с Дуннина. Но в Уссурийске также работает и Суйфэньхэ со своим торговым рынком. Если они будут выпускать продукцию, которую привозят из Суйфэньхэ, то возникнет внутренняя конкуренция двух китайских территорий внутри Уссурийска. В настоящий момент эта торговая зона не очень активно работает, но идея была хорошая.

Работает также торговый комплекс в Покровке. Там шьют обувь, делают мебель и производят пластиковые окна. Но проект с пластиковыми окнами практически остановился, потому что конкуренция в Приморье в этой сфере очень велика, а в самой Покровке население бедное и не может себе позволить устанавливать пластиковые окна.

Е.А. Костицына (*руководитель культурного центра «Альтаир» в г. Лесозаводск Приморского края, психолог*). Верно ли я поняла, что уважаемые учёные и являются той самой силой, которая может правильно определить стратегию развития и имеет адекватное понимание того, что происходит на Дальнем Востоке и в области российско-китайских отношений? На западе РФ и в руководстве нашей страны не совсем ясно представляют, чем для нас является Китай. Мы владеем гораздо большей информацией. Мне непонятно, почему мы и такой великий сосед, древняя цивилизация с уникальным народом, не можем мирно сосуществовать и быть залогом мира и стабильности. С учётом того, что существует значительный отток населения с Дальнего Востока, китайцы нам очень нужны.

Также мне хотелось бы затронуть другую проблему. Мы считаем себя цивилизованным народом, но часто ведём себя некорректно по отношению к китайцам. Особенно поражают примеры, когда подвыпившие русские пристают к китайским гражданам. Есть ли какие-нибудь программы, которые могли бы изменить образ китайцев в РФ, а если нет, то, возможно, их стоит создать?

А.В. Друзяка. Буквально вчера я вернулся из Хэйхэ, где проводился международный фестиваль «Мир, где нет чужих». Три дня китайские студенты были в гостях у благовещенских студентов, причём это были не просто формальные встречи, а плотное общение, за счёт которого достигается высокий уровень взаимопознания. Ребята ели вместе, показывали друг другу разные музыкальные номера, исполняли различные программы, участвовали в спортивных соревнованиях. Затем они три дня провели в Хэйхэ. Всего в фестивале участвовали 10 стран, но именно для двух наших стран Хэйхэский и Благовещенский университеты провели такую программу. Этот фестиваль проводится у нас уже три года, на нём присутствовал представитель экспертного совета Министерства образования из Москвы, который сказал, что таких фестивалей в Российской Федерации больше нет. В целом это мероприятие было высоко оценено и российской и китайской сторонами. Если таких примеров будет больше, то у нас будет больше взаимопонимания.

А.Г. Смирнов. Во Владивостоке есть Институт Конфуция, который проводит подобные мероприятия. Межуниверситетский диалог тоже существует.

В.Л. Ларин. Есть такие примеры. Насчёт того, что подвыпившие русские плохо относятся к китайцам, то ведь и подвыпившие китайцы иногда также плохо относятся к русским. Как правило, это не несёт какого-либо специально антикитайского подтекста, попадётся такому русскому кореец или узбек — возникнет аналогичная ситуация. Это бытовые проявления. Некультурные люди есть везде, и в России и в Китае.

А.Г. Смирнов. Ровно сто лет назад, в 1912 г. все дальневосточные газеты пестрели материалами о «жёлтой опасности». Когда сейчас слушаю, например, В.В. Жириновского, то понимаю, что он мог многое взять из этих газет. Те, кто лоббирует разные решения возле Кремля, образно говоря, хранят свои деньги в американских банках, поэтому им выгодно развивать отношения с Западом. А нам выгоднее развивать отношения с Китаем.

И.Н. Баранник: Поскольку у нас научно-практический семинар, мне бы не хотелось, чтобы присутствующие ушли отсюда с неверными оценками, которые были даны здесь в ряде случаев. В частности, прозвучал тезис о том, что отсутствует статистика по преступности в отношении китайцев. Одно из моих исследований связано с преступлениями иностранцев и в отношении иностранцев. В целом статистика за 10 лет свидетельствует о том, что количество преступлений, совершённых иностранцами, на 30—40% превышает преступления в отношении зарубежных гостей и мигрантов. Но с точки зрения законов криминологии первая категория преступлений находится в сфере латентных. Почему? Этому есть объяснения. Как правило, преступления, совершаемые в отношении иностранцев, в том числе граждан Китая, совершаются в связи с тем, что сами мигранты, не выезжая в срок на родину и нарушая миграционное законодательство, переводят себя в категорию беззакония. Они вынуждены скрывать преступления, совершённые в их отношении, т.к., придя в правоохранительный орган, они сами станут объектом внимания этих структур.

Подводя итоги, хотел бы сказать, что, когда встречаются практики и теоретики, то часто получается, что формируется две взаимно противоположные точки зрения на проблему. Очень важно, чтобы на таких круглых столах были лица, которые знают и практику, и теорию, в частности принципы криминологии. Я не говорил о преступлениях в отношении иностранцев, т.к. организаторы круглого стола попросили меня осветить проблемы преступ-

ности китайских граждан. В целом я рассматриваю китайскую экспансию в плоскости расширения организованной преступности, но это не триады. Развитие экономик двух стран закономерно приводит к увеличению и переводу в теневую сферу преступности, поэтому она в любом случае будет расти. В качестве рекомендаций по итогам мероприятия хотел бы предложить, во-первых, поставить на научную основу исследование преступности совместно с китайской стороной, во-вторых, повышать уровень организованного взаимодействия и открытости силовых структур двух стран, в-третьих, проводить круглые столы, аналогичные этому, чтобы донести результаты исследований до общества в целях нивелирования правового нигилизма людей.

В.Л. Ларин. По организованной преступности я понял, что она носит транснациональный характер и в ней участвуют обе стороны. Китайские преступные группировки не смогут вывезти в Китай вагоны леса или заготовить трепанг в больших количествах без помощи на российской стороне границы. Мне очень понравилось, что, когда вы говорили о преступности, то закончили проблемами взаимодействия, потому что наши СМИ подают проблему под одним углом: китайцы якобы сознательно наводняют Дальний Восток преступными элементами. Схожая ситуация и в вопросах экологии: ведь Китай в последние годы действительно немало делает для решения экологической проблемы. Я согласен с г-ном Юй Цзюнем в том, что китайцы тоже хотят жить, им травить себя ни к чему. Они вкладывают миллиарды в экологию. Другое дело, что это требует времени. Проблема существует, нарушители экологического законодательства есть как в Китае, так и в России. Борьба с проблемой нужна совместно, на уровне власти, правоохранительных структур, общественных организаций.

Хотел бы поблагодарить всех докладчиков и участников дискуссии. Мы все говорили в одной тональности: я не слышал ни одного высказывания против китайского присутствия, против китайского участия в развитии региона. В связи с этим у меня возникло два вопроса. Во-первых, получается, что Китай нам нужен, но нужен ли он Москве? В столице существует точка зрения, что усиление присутствия Китая на Дальнем Востоке опасно, чего мы по результатам круглого стола не увидели. Из своего опыта: в Москве в проекте резолюции на одном из парламентских слушаний чёрным по белому было написано: есть угроза демографической экспансии Китая на Дальний Восток, угроза политического дрейфа региона в сторону Азии, проявления «сибирского сепаратизма» и т.д. Во-вторых, а нужны ли мы Китаю? У нас существует представление о том, что мы всем нужны. В начале 1990-х гг. у

нас была эйфория по поводу того, что мы необходимы Японии, и её капиталы хлынут на Дальний Восток. Этого нет до сих пор.

Сегодня у нас сложилось аналогичное представление о Китае. Зачем мы нужны Китаю? Можно сказать, что Китаю нужны наши энергоресурсы. Но на круглом столе чётко прозвучало: доля российской нефти в китайском импорте 6%, газа — 3%, немного нашего леса. Китай спокойно проживёт и без нас. Мы нужны провинциям северо-восточного Китая с точки зрения транзита, но сейчас они активно сотрудничают с КНДР по порту Раджин. Хотя этого порта им будет мало для интенсивного развития Хэйлунцзяна и Цзилиня. Есть ещё один хороший показатель: мы нужны Китаю как мирный и безопасный тыл. Получается, что местному населению Дальнего Востока более всего необходимо развитие отношений с Китаем. По крайней мере, такой вывод проистекает из сегодняшней дискуссии. Думаю, эту тему мы ещё не раз будем обсуждать на других круглых столах. Это неизбежно, т.к. проблематика, связанная с Китаем, всплывает у нас практически на каждом семинаре. Например, на последнем круглом столе, посвящённом политике России и Австралии в АТР, тема КНР звучала и в выступлении Посла Австралии в РФ М. Туми.

С моей точки зрения, Китай на сегодняшний день — единственная страна, которая заинтересована в развитии Тихоокеанской России. Это связано не с тем, что они нас любят, а с тем, что им это выгодно. Необходимо пользоваться тем, что выгодно и соседу, и нам.

На этой оптимистичной ноте позвольте завершить наше заседание.